

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-102-111

Лукьянова Алина Александровна
преподаватель кафедры уголовного
процесса Барнаульского юридического
института МВД России
E-mail: lok_doc@mail.ru

Lukyanova Alina Aleksandrovna
Lecturer of the Criminal Procedure Depart-
ment of the Barnaul Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: lok_doc@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ И ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ СУЩНОСТИ К ПРОБЛЕМЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА (ПОЛОЖЕНИЯ)

Введение: эффективность уголовного судопроизводства должна обеспечиваться на основе разумного баланса между защищаемым публичным интересом и правовой возможностью государства ограничивать права и свободы человека и гражданина, установленной ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Одним из средств достижения указанной сбалансированности видится система правовых гарантий защиты личности от чрезмерного и необоснованного правоограничения, к числу которых, в понимании отраслевой конкретизации и установления пределов реализации субъективного права, относится предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством правовой статус любого лица, вступающего в уголовно-процессуальные правоотношения, тем более сопряженные с ограничением его свободы и личной неприкосновенности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция РФ, положения международно-правовых актов, ратифицированные РФ, решения Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ, нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, а также иные нормативные, правовые акты, имеющие отношение к уголовно-процессуальному праву. Методологической основой стали общенаучные методы познания (диалектический, логический метод; методы индукции и дедукции; анализа и синтеза), а также специальные методы научного познания (научного толкования, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и др.).

Результаты исследования позволили уточнить существующие подходы к толкованию сущности права на свободу и личную неприкосновенность через определение категории «лишение свободы», а также процедур, обладающих принудительными элементами, достаточными для признания факта ограничения названного права. На основе конституционно-правового смысла указанных категорий выявлена проблема неопределенности правового статуса лиц в ситуациях ограничения свободы и личной неприкосновенности классической процессуальной формы или смежной с ней.

Выводы и заключения: высказаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на усиление защищенности личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальные правоотношения.

Ключевые слова: право на свободу и личную неприкосновенность, задержание, уголовно-процессуальное принуждение, правовой статус, ограничение прав.

RESTRICTION OF LIBERTY AND PERSONAL SECURITY IN CRIMINAL PROCESS: FROM THE ESSENCE TO THE PROBLEM OF LEGAL STATUS UNCERTAINTY (REGULATIONS)

Introduction: the effectiveness of criminal proceedings should be ensured on the basis of a reasonable balance between the protected public interest and the legal ability of the state to restrict human and civil rights and freedoms, established by Part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation. One of the means of achieving this balance is seen as a system of legal guarantees for the protection of an individual from excessive and unreasonable legal restriction, which, in the understanding of industry specificity and the establishment of limits for the implementation of subjective rights, includes the legal status of any person entering into criminal procedural legal relations provided for by the criminal procedural legislation, especially those associated with the restriction of his freedom and personal inviolability.

Materials and Methods: The normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, the provisions of international legal acts ratified by the Russian Federation, decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, the norms of the current criminal procedure legislation, as well as other regulatory and legal acts related to criminal procedure law. The methodological basis of the study is general scientific methods of cognition (dialectical, logical method; methods of induction and deduction, analysis and synthesis), as well as special methods of scientific cognition (scientific interpretation, formal-logical, comparative-legal, system-structural methods, and others).

Results of the Study: made it possible to clarify the existing approaches to the interpretation of the essence of the right to liberty and security of person through the definition of the category of «deprivation of liberty», as well as procedures that have coercive elements sufficient to recognize the fact of restriction of the said right. On the basis of the constitutional and legal meaning of these categories, the problem of the uncertainty of the legal status of persons in situations of restriction of the right to liberty and security outside classical procedural form or an adjacent one is revealed.

Findings and Conclusions: suggestions are made to improve the criminal procedural legislation aimed at strengthening the protection of the individual involved in criminal procedural legal relations.

Key words: the right to liberty and security of person, detention, criminal procedural compulsion, legal status, restriction of rights.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – аксиома, используемая во всех сферах правового общения, к числу которых относится и уголовное судопроизводство. Имея организационно-властный характер, профессиональная деятельность лиц, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, предварительное расследование по уголовным делам, по своей природе сопряжена с использованием принудительных методов и средств. В свою очередь такого рода потенциал уголовно-процессуальной деятельности обусловлен необходимостью реализации назначения уголовного судопроизводства, что во взаимосвязи с положениями ст. 6.1 УПК РФ должно происходить в разумные сроки.

Именно своевременность процессуального реагирования, например, на возникшую ситуацию, требующую безотлагательного производства следственного действия с целью изъятия значимого для уголовного дела объекта, может предопределить целесообразность использования принудительных механизмов в урегулировании уголовно-процессуальных правоотношений. Равно как и необходимость предупреждения (пресечения), в отдельных случаях незамедлительного, фактов нарушения процессуальных обязанностей или злоупотребительного поведения участников уголовно-процессуальных правоотношений может оправдать применение средств принудительного характера, предусмотренных УПК РФ.

Стоит отметить, что, несмотря на непрерывное реформирование уголовно-процессуального законодательства, обеспечение прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, остается одной из уязвимых сфер российской правовой системы. Вопросы реализации уголовно-процессуального законодательства, законности и обоснованности действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, стабильно остаются одним из самых распространенных предметов обращений в правозащитные органы.

Анализируя статистические данные, заметим, что Российская Федерация на протяжении многих лет занимает лидирующее положение среди государств – ответчиков по делам с выявленными нарушениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности ст. 5. Абсолютным большинством по сравнению с нарушениями других статей Конвенции по делам с участием РФ обладают нарушения права на свободу и личную неприкосновенность, в том числе допущенные в уголовном судопроизводстве¹. Работниками прокуратуры в рамках надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства ежегодно выявляется более 5 млн нарушений, в частности, связанных с несоблюдением прав и свобод человека и гражданина². Только в 2019 г. почти треть обращений в Аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ касалась уголовного судопроизводства (например, обоснованности возбуждения уголовного дела, уголовного преследования, сроков содержания под стражей). При этом в общей шкале количества обращений по

¹ Информация с официального сайта Европейского суда. URL: <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021).

² Сводные статистические данные о деятельности органов прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения 15.01.2021).

отдельным отраслям права уголовный процесс занимает на протяжении последних лет первое место¹.

Уголовно-процессуальное принуждение обладает высокой социальной значимостью, так как неотъемлемым его компонентом является ограничение прав и свобод в конституционно допустимых пределах. Свобода и личная неприкосновенность каждого, гарантированная ст. 22 Конституции РФ, тоже может быть ограничена путем заключения и содержания под стражей, а также досудебного задержания, срок которого не может превышать 48 часов. Названные формы ограничения искомого права применимы к сфере уголовного судопроизводства и конкретизированы в качестве отдельных мер уголовно-процессуального принуждения (пресечения).

Необходимо признать, что современное право, декларированное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, прежде всего является выражением физической свободы личности [1, с. 19, 22; 2, с. 78, 80, 81, 85], которая наделена такими атрибутами материи, как пространственно-временная определенность. Это означает, что реализация права на свободу и личную неприкосновенность предполагает осознанный и по своей воле выбор лица, в каком месте находиться и на протяжении какого временного отрезка. Такая интерпретация содержания названного конституционного права предопределяет возможность расширительного толкования норм уголовно-процессуального права, регламентирующих систему принуждения.

В целом принуждение в уголовном процессе можно рассматривать в широком смысле и в узком смысле, как меры уголовно-процессуального принуждения. Объединение научных взглядов современного уголовного процесса в две названные концепции было обосновано еще в докторской диссертации Э.К. Кутуева [3]. О проблемах неурегулированности «других принудительных мер для достижения целей уголовного правосудия и обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства» писал Б.Б. Булатов, называя физическое принуждение единственным средством фактического проведения следственных действий в отдельных случаях [4].

Справедливым видится мнение Л.В. Головки о том, что в широком смысле принуждение пронизывает весь уголовный процесс. Автор определяет критерий, по которому меры уголовно-процессуального принуждения выделены в отдельный правовой институт: целевое назначение (единственной целью таких мер является их специальная направленность на обеспечение принудительного исполнения участниками уголовного процесса их процессуальных обязанностей или на предотвращение гипотетического уклонения от исполнения данных обязанностей). В то время далеко не каждое процессуальное действие, сопряженное с применением принуждения (в широком смысле), является мерой процессуального принуждения (в узком смысле). В качестве примера ученый приводит классическую меру процессуального принуждения – меру пресечения подписка о невыезде и надлежащем поведении, направленную на предотвращение уклонения обвиняемого (подозреваемого) от исполнения им своих процессуальных обязанностей, а противопоставляет ей обыск, в рамках которого происходит более существенное ограничение конституционных прав личности, но которое направлено на собирание доказательств и относится к институту следственных действий [5, с. 521].

¹ Доклад по результатам деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/> (дата обращения 15.01.2021).

Характеризуя следственные действия, С.Б. Россинский отмечает, что принудительный характер свойствен всем следственным действиям, но в разной степени. Так, потенциальной возможностью применения каких-либо принудительных приемов фактически характеризуются только три следственных действия: освидетельствование, обыск и выемка, для которых именно поэтому ч. 1 ст. 164 УПК РФ установлена особая процедура принятия решения об их производстве. Следственные действия, не предусмотренные ч. 1 ст. 164 УПК РФ, по мнению автора, в определенном плане тоже подкреплены государственным принуждением, но только как бы извне (например, для допроса и очной ставки – уголовная ответственность по ст. 308 УК РФ) [6, с. 39–41].

Широкий подход к толкованию уголовно-процессуального принуждения, сопряженного с ограничением свободы и личной неприкосновенности, обнаруживается и через определение категорий «лишение свободы» и «задержание», имеющих, к примеру, в судебной практике. Конституционный суд РФ, предопределяя недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности¹, признает, что принудительными элементами, достаточными для признания факта ограничения вышеназванного права, обладают не только классические формы «арест», «заключение и содержание под стражей», а также «задержание», перечисленные в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ.

На протяжении длительного времени понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом понимании формировалось и приобрело автономное значение, как итог, синонимизировав категории «лишение свободы» и «ограничение свободы». Во взаимосвязи с критерием существенности правоограничения Конституционный суд РФ охватил названным явлением и ограничение свободы передвижения – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов². Установив связь между законодательными ограничениями и фактическим следствием их применения³, суд определил, что «лишение свободы» охватывает собой любые вводимые в законодательстве ограничения⁴ независимо от их отраслевых юридических характе-

¹ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного суда РФ от 27.06.2000 № 12-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

³ По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова: постановление Конституционного суда РФ от 17.11.2016 № 25-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного суда РФ от 24.05.2018 № 20-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

ристик и целевого предназначения, в том числе принудительные меры обеспечительного характера.

В свою очередь, Верховный суд РФ, говоря уже об уголовно-правовых явлениях, посягающих на свободу и личную неприкосновенность, тем же порядком основывается на физическом признаке права, декларированного ст. 22 Конституции РФ. Именно в незаконном ограничении человека в физической свободе, в том числе свободе передвижения и выбора места своего нахождения (путем захвата, перемещения и удержания), заключается общественная опасность преступлений, посягающих на охраняемые главой 17 УК РФ общественные отношения. Автор умышленно обращается к уголовно-правовой сфере и соответствующим составам преступления, так как установленная законом ответственность за незаконное лишение свободы, в том числе совершенное в условиях необоснованности или превышения пределов допустимого правоограничения, является эффективной правовой гарантией защиты личности.

Европейский суд по правам человека как международный правозащитный институт неоднократно в своих решениях обращал внимание не только на унифицированное толкование ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и противопоставляемое ей лишение физической свободы, которое *de facto* может приобретать разнообразные формы, не всегда тождественные тюремному заключению в его классическом понимании¹, но и на необходимость создания системы правового гарантирования защиты личности от произвола властей. Одним из наиболее существенных нарушений, допускаемых органами власти, по мнению суда, является «недокументированное лишение свободы» [7] (курсив наш. – А.Л.), а расширительное толкование основания законности лишения свободы и личной неприкосновенности представляется недопустимым, поскольку они видятся исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека. Такой взгляд в полной мере координируется с правовой позицией Конституционного суда РФ, в которой надлежащее обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность подразумевает эффективную защиту от лишения свободы без предусмотренных законом оснований и сверх установленных временных пределов, а также осуществление принудительных мер, влекущих ограничение этого права только с соблюдением конституционных и конвенционных требований².

Говоря о правовых гарантиях защиты личности от необоснованного и чрезмерного ограничения искомого права, справедливым видится утверждение о том, что их

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 06.11.1980 по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021); Постановление ЕСПЧ от 24.11.1994 по делу «Кеммаш (Kemmaché) против Франции». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021); Постановление ЕСПЧ от 25.05.1998 по делу «Курт (Kurt) против Турции». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021); Постановление ЕСПЧ от 28.03.2017 по делу «З.А. и другие против России». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения 15.01.2021).

² По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного суда РФ от 23.05.2017 № 14-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

исчерпывающий перечень создать практически невозможно. Список будет коррелироваться по объему и содержанию не только исходя из вида правоотношений, но и в зависимости от фактической ситуации. К примеру, такой правовой гарантией, как получение квалифицированной юридической помощи [8] в соответствии с положениями ст. 48 Конституцией РФ наделен каждый. Однако лицо, задержанное в качестве подозреваемого, может воспользоваться данной гарантией путем оказания этой помощи адвокатом-защитником, а также своевременно с момента задержания (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), когда ограничение прав становится реальным. Вместе с тем, если получение квалифицированной юридической помощи обусловлено дачей показаний, то его обеспечение должно происходить безотлагательно¹.

Исследование вышеназванных правовых категорий высветляет одну из нерешенных проблем обеспечения прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, – проблему неопределенности правового статуса (положения)² лица, вступающего в правоотношения, сопряженные с ограничением его свободы и личной неприкосновенности, в ситуациях правоограничения классической процессуальной формы «задержания» или смежной с ней. Основополагающей гарантией защиты личности в момент вступления в конкретные правоотношения видится наличие регламентированного законом правового статуса, предусматривающего комплекс прав, которые могут быть использованы в свою защиту.

Законодатель в п. 58 ст. 5 УПК РФ именует лиц, принимающих участие в уголовном процессе, участниками уголовного судопроизводства. Исчерпывающий перечень указанных участников, содержащийся в разделе 2 УПК РФ, не согласован с отдельными «действующими лицами» уголовного процесса, например: с лицом, застигнутым при совершении преступления и фактически лишенным свободы передвижения до возбуждения уголовного дела; с лицом, находящимся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, и которому запрещено покидать его; свидетелем, предъявленным для опознания и опознанным как лицо, совершившее преступление.

И.В. Смолькова с учетом законодательной регламентации процессуального статуса участников уголовного судопроизводства справедливо разделяет их на четыре группы, четвертая из которых – участники, вступающие в уголовно-процессуальные отношения, но никак не упоминающиеся в УПК РФ. По мнению автора, «всех лиц, вступающих в уголовно-процессуальные отношения, необходимо признать участниками уголовного судопроизводства и включить в раздел 2 УПК РФ, а также указать в общей норме УПК РФ, что эти лица имеют уголовно-процессуальные права и обязанности» [9].

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савенко Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 91, 92 и 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 17.07.2012 № 1280-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

² Не вдаваясь в полемику по вопросу соотношения категорий «правовой статус» и «правовое положение», для удобства данные термины автором будут использованы в качестве синонимов.

Действительно, такие лица вынуждены в рамках уголовно-процессуальных правоотношений отстаивать свои интересы, которые не всегда могут быть связаны с основной целью уголовного судопроизводства. Наличие явления «внестатусности» или полное отсутствие регламентированных процессуальных статусов отдельных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, объективно влечет за собой соответствующие негативные правовые последствия. Предусмотрение в законе самостоятельного правового (процессуального) статуса лица, ставшего участником уголовно-процессуальных правоотношений, является гарантией осуществления личностью принадлежащих ей прав. Однако неопределенность правового статуса (положения) лица как участника уголовно-процессуальных отношений не означает отрицание его общеправового (конституционного) статуса, являющегося основой, которая может быть интерферирована процессуальным статусом (положением).

О внестатусности пишет В.Н. Григорьев, обнаруживая в этом явлении «выход за пределы статуса, определяемого обычно в соответствии с функциями участника уголовного процесса, в ситуации, когда участник уголовного процесса с одним статусом (либо вовсе без такового) обретает элементы не характерного для него статуса другого участника процесса» [10]. Статус участника уголовного судопроизводства позволяет лицу осуществлять свой материальный и процессуальный интерес, для чего оно наделяется соответствующими возможностями [11].

Неопределенность правового статуса независимо от ситуации (правовая неопределенность или фактическая в условиях внестатусности) препятствует возможности полноценной реализации конституционных прав личности. Наиболее существенным неоправданным ограничением подвержена личность в условиях фактического уголовного преследования. На недопустимость смешения процессуальных статусов указывает Конституционный суд РФ, например, рассматривая жалобу В.В. Ченского, который задерживался по подозрению в преступлении и после освобождения из-под стражи был допрошен в качестве свидетеля при отсутствии процессуального решения о прекращении его уголовного преследования¹. Нуждаясь не только в восстановлении чести и доброго имени, опороченного неправомерным подозрением, но и в возмещении вреда, причиненного фактом нахождения в изоляции от общества, лицо фактически было лишено правовых гарантий защиты.

Примечательно, что исследуемое правовое явление – ограничение свободы и личной неприкосновенности, в отдельных ситуациях может являться самостоятельным основанием для надления лица уголовно-процессуальным статусом или же для его изменения. Например, лицо становится подозреваемым в момент задержания, если изначально уголовное дело было возбуждено в отношении неустановленного лица, и процессуальные действия с задерживаемым лицом до момента ограничения его свободы названным способом не производились. Кроме того, уголовно-процессуальное задержание является удобоваримым основанием смены статуса сви-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского: постановление Конституционного суда РФ от 21.11.2017 № 30-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 15.01.2021).

детеля на предусмотренный ст. 46 УПК РФ, если до момента задержания основания для подозрения в совершении преступления отсутствовали.

Учитывая сложившееся в судебной практике понимание исследуемого конституционного права, основанное на физических признаках свободы личности, а также обусловленный этим широкий подход к восприятию уголовно-процессуальных средств, фактическим следствием применения которых является ограничение (лишение) свободы и личной неприкосновенности, обоснованным представляется вывод о том, что любые действия должностных лиц, направленные на ограничение искомого права в ходе уголовного судопроизводства, должны фиксироваться независимо от стадии и формального процессуального положения лица. Данное умозаключение, кроме того, детерминировано означенной выше проблемой неопределенности правового статуса (положения), а требование фиксации должно предполагать не только признание факта правоограничения, но и сопутствующие действия по разъяснению принадлежащих лицу прав и свобод (прежде всего конституционного уровня), обеспечению возможности их реализации.

Резюмируя, полагаем необходимым включить в ст. 10 УПК РФ положение, устанавливающее обязанность должностного лица незамедлительно с момента начала осуществления любых процессуальных действий, фактически ограничивающих свободу и личную неприкосновенность лиц, юридически фиксировать этот факт, разъяснять лицу, принадлежащие ему права и свободы, обеспечивать возможность их реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бойко Е.Ю. Конституционный суд Российской Федерации как гарант защиты права на свободу и личную неприкосновенность человека: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 232 с.
2. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 221 с.
3. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – 44 с.
4. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – Н.Новгород, 2003. – 490 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
6. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. – М.: Норма, 2018. – 240 с.
7. Лукьянова А.А. Проблемы реализации права на свободу и личную неприкосновенность: правовые позиции ЕСПЧ // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 4 (32). – С. 139–143.
8. Лукьянова А.А. Право на получение квалифицированной юридической помощи как гарантия защиты свободы и личной неприкосновенности: проблемы обеспечения в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический форум: проблемы

обеспечения прав человека: материалы всерос. науч.-практич. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юрид. институт МВД России, 2020. – С. 125–127.

9. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. № 2. – С. 205–210.

10. Григорьев В.Н., Зайцев О.А. Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 205–209.

11. Максимов О.А. Индивидуальный статус участника уголовного процесса, как необходимое условие полноценной уголовно-процессуальной деятельности // Полицейская и следственная деятельность. – 2018. – № 2. – С. 1–8.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Boyko E.Yu. Constitutional Court of the Russian Federation as a guarantor of protection of the right to liberty and security of person: dis. ... cand. jurid. sciences. – M., 2011. – 232 p.

2. Morozov A.P. The constitutional right of man and citizen to liberty and security of person in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences. – Saratov, 2002. – 221 p.

3. Kutuev E.K. Criminal procedural coercion in pre-trial stages: author. dis. ... doc. jurid. sciences. – St. Petersburg, 2004. – 44 p.

4. Bulatov B.B. State coercion in criminal proceedings: dis. ... doc. jurid. sciences. – N. Novgorod, 2003. – 490 p.

5. Course of criminal procedure / ed. L.V. Golovko. – M.: Statute, 2016. – 1278 p.

6. Rossinsky S.B. Investigative actions: monograph. – M.: Norma, 2018. – 240 p.

7. Lukyanova A.A. Problems of realization of the right to liberty and security of person: legal positions of the ECHR // Altai legal bulletin. – 2020. – № 4 (32). – P. 139–143.

8. Lukyanova A.A. The right to receive qualified legal assistance as a guarantee of the protection of liberty and security of person: problems of security in criminal proceedings // Siberian Legal Forum: Problems of Ensuring Human Rights: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / ed. Yu.V. Anokhin. – Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – P. 125–127.

9. Smolkova I.V. Participants in criminal proceedings with an uncertain procedural status // Izvestia of the Baikal State University. – 2017. – Т. 27. № 2. – P. 205–210/

10. Grigoriev V.N., Zaitsev O.A. New instrument of legal regulation of the status of participants in criminal proceedings // Bulletin of the Tomsk State University. – 2016. – № 413. – P. 205–209.

11. Maksimov O.A. The individual status of a participant in criminal proceedings as a necessary condition for a full-fledged criminal procedural activity // Police and investigative activity. – 2018. – № 2. – P. 1–8.